

Валентина Гоби — одна из самых ярких современных французских писательниц. Посвятив несколько лет работе в гуманитарных миссиях по защите детей в Азии, в настоящее время она совмещает писательский труд с преподаванием литературы в Институте политических исследований в Париже. Валентина Гоби написала более десятка произведений, самое шумевшее из них — роман «Детская комната» (2013) о юной беременной участнице французского Сопротивления, оказавшейся вместе с другими французженками, польками, русскими, голландками в концентрационном лагере Равенсбрюк. Роман отмечен несколькими литературными премиями, в том числе одной из самых престижных, присуждаемой с 1955 года «Prix des libraires».

Простой вопрос, заданный школьницей на лекции, разбудил в восьмидесятилетней Сюзанне Ланглуа, прошедшей через ужасы нацистской машины смерти, новую волну воспоминаний. Сюзанна понимает, что мир изменился, что людям пора услышать не сухие цифры статистики или заезженные фразы, а личную историю страданий и отчаянной борьбы за жизнь.

Победить голод, холод, болезни, расстрелы почти невозможно, смерть в Равенсбрюке ни на день не останавливает свою страшную жатву. Но рядом со взрослыми узницами — те, у кого шансов на спасение еще меньше — пятьдесят голодных, замерзающих младенцев в Kinderzimmer, детской комнате. Один из них — сын Сюзанны. Она вступает в отчаянную схватку со временем: уже слышны залпы союзных армий, но никому из обитателей детской комнаты не удастся прожить дольше трех месяцев... Для кого же все-таки наступит весна победы и надежды?

www.ksdbook.ru

ISBN 978-5-9910-3516-3

9 785991 035163

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-0503-1

9 786171 1205031

ДЕТСКАЯ КОМНАТА

Валентина Гоби

1945. Концлагерь «Равенсбрюк»

ДЕТСКАЯ КОМНАТА

День, когда я поверила, что ты выживешь

Валентина Гоби

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Valentine Goby

KINDERZIMMER

Roman

Валентина Гоби

ДЕТСКАЯ КОМНАТА

Роман

ХАРЬКОВ
БЕЛГОРОД
2016

 КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.133.1
ББК 84.4ФРА
Г57

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Выражаем особую благодарность
литературному агенту Анастасии Лестер
за помощь в приобретении прав на публикацию этой книги

Переведено по изданию:
Goby V. Kinderzimmer :
Roman / Valentine Goby. — Actes Sud, 2013. — 224 p.

Перевод с французского *Ольги Бугайцовой*

ISBN 978-617-12-0503-1 (Украина)
ISBN 978-5-9910-3516-3 (Россия)
ISBN 978-2-330-02260-0 (фр.)

© Actes Sud, 2013
© Sandra Cunningham / Arcangel
images, обложка
© Nemigo Ltd, издание на рус-
ском языке, 2016
© Книжный Клуб «Клуб Семей-
ного Досуга», перевод и худо-
жественное оформление, 2016
© ООО «Книжный клуб «Клуб
семейного досуга»», г. Белго-
род, 2016

Посвящается Жану-Клоду Пассера, Ги Пуаро,
Сильви Элмер, детям Равенсбрюка.

А также Мари-Жозе Шомбар де Лов,
неутомимой активистке,
которая работала детской медицинской сестрой
в Kinderzimmer¹ Равенсбрюка

¹ Помещение в лагере, где содержались младенцы. (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)

ШАНТЕКЛЕР. Слышишь?

ФАЗАНЬЯ КУРОЧКА. Кто же смеет?

ШАНТЕКЛЕР. Другие петухи.

ФАЗАНЬЯ КУРОЧКА. Кругом них все алеет...

ШАНТЕКЛЕР. Лишь увидав Зарю, поверят ей они.

ФАЗАНЬЯ КУРОЧКА. Кругом них — все лазурь...

ШАНТЕКЛЕР. Я пел в ночной тени. Во мраке песнь моя
и первой зазвучала. Да, ночью верить в свет — вот
жажда идеала¹.

Эдмон Ростан.

Шантеклер. Действие второе. Явление третье

¹ Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник.

Пролог

«В середине апреля 1944 года, — говорит она, — мы уезжали в Германию».

«Приехали. А то, что было до этого, — Соппротивление, арест, Френ, — в сущности, было только прелюдией». После слова «Германия» в классе воцаряется тишина, это слово предвещает рассказ о смерти. Долгое время она была благодарна этой тишине, которая как бы отодвигала ее историю в сторону, как раз когда нужно было рассказывать о замалчиваемых так долго событиях; она была признательна тому, как все умолкали и замирали и не было ни шепота, ни единого движения в рядах восемнадцатилетних мальчишек и девчонок, словно они знали, что их голоса и столь юные тела могут помешать воспоминаниям. Вначале она нуждалась в перерывах. Но после того, как Сюзанна Ланглуа рассказала об этом пятьдесят, сто раз, фразы стали складываться легко, безболезненно и практически бессознательно.

«Четыре дня спустя, — говорит она, — прибыл конвой».

Слова льются в своем обычном ритме, уверенно, спокойно. За окном она замечает на ветке платана бабочку; она видит, как танцуют пылинки в косых лучах солнца, ласкающих волосы ребят; видит, как трепещет край карты, приклеенной скотчем. Она продолжает рассказывать. С каждой фразой она приближается к безумной истории, истории появления на свет ребенка в концлагере, о комнате грудничков, где выжил ее сын. Такие истории, как у нее, можно сосчитать на пальцах. Именно поэтому она приглашена в лицей — как живое доказательство всеобщей трагедии, а когда она чуть позже произносит слово *Kinderzimmer*, класс сковывает тишина, словно цементирует. И вот, она только что сошла с поезда. Германия, ночь...

«Мы идем в лагерь Равенсбрюк», — говорит она.

Одна девушка поднимает руку. Обычно в этом месте рассказа такого не происходит. Поднятая рука — словно сигнал. У девушки очень бледная кожа, а в правой брови крошечное красное колечко. Поднятая рука сбивает Сюзанну Ланглуа, рассказ наталкивается на руку и раскалывается на части.

Девушка всего лишь спрашивает у Сюзанны Ланглуа, приходилось ли ей слышать о Равенсбрюке до отъезда из Франции. Сюзанна Ланглуа отвечает:

— Я знала о том, что есть лагеря, и это все.

А знала ли она, куда именно в Германии ее везут, когда ехала в поезде?

— Нет.

— Когда же вы поняли, что едете в Равенсбрюк?

Сюзанна Ланглуа немного колеблется, а потом отвечает:

— Не знаю.

В любом случае она не смогла бы *понять*, что ехала в Равенсбрюк, если бы даже знала название, ведь она слышала бы лишь набор звонких и глухих звуки, которые ничего бы ей не сказали.

— Значит, вы не знали, где оказались?

Сюзанна Ланглуа улыбается, замирает, а затем говорит:

— Нет.

Она поправляет шаль. Пытается возобновить рассказ, вспомнить слово, которое должно последовать в этом месте повествования. Тридцать восемнадцатилетних мальчиков и девочек смотрят на нее в ожидании. Это как заноза в ладони. Нечто едва осязаемое, крошечная иголка, которую можно было бы и не заметить, если бы кожа не была столь гладкой и нежной. «Девочка спрашивает меня, когда я узнала о Равенсбрюке. Когда я впервые услышала слово “Равенсбрюк”? Раньше никто не задавал этого вопроса. Эта девочка с бледной кожей и красным колечком в брови рано или поздно должна была появиться». Отведя взгляд от помятой карты, бабочки за окном, луча солнца, Сюзанна начинает искать в глубине сознания образы, она пытается вспомнить дорожный знак на ведущей в лагерь дороге, столб, надпись или произнесенное вслух слово «Равенсбрюк». Но нет никакой надписи, нигде; она не помнит, чтобы кто-то об этом говорил. Лагерь — это безымянное место. На память ей приходят слова поэтессы Шарлотты Дельбо. Вспоминая об Освенциме, Шарлотта говорила, что *этого места на карте нет* и она узнала его название, лишь проведя там два месяца.

— Вы в самом деле, — не унимается девушка, — тогда ни о чем не знали? Вы знали о Равенсбрюке ровно столько, сколько мы сейчас?

После небольшой паузы женщина отвечает:

— Наверное, да.

Сюзанна Ланглуа не может опомниться, они так похожи — эта выпускница и молодая женщина чуть старше нее, какой она стояла у входа в лагерь. Неведение — вот то, что может объединить ее и эту девочку, правда, с дистанцией в шестьдесят лет.

На самом деле только что сказанная фраза «*мы идем в лагерь Равенсбрюк*» невозможна. От вокзала и до места назначения Сюзанна не думала о названии. Сначала они шли по дороге среди высоких елей и красивых домов; название Равенсбрюк появилось позже, когда они преодолели весь этот путь. Более тридцати лет в классах и прочих местах ей нужно было рассказывать все в общем, все, что она знала о лагере, не заботясь о хронологии событий, все, что об этом знали и рассказывали другие узники, в чем признавались на Гамбургском процессе в 1947 году, о чем писалось в исторических работах, — все это необходимо передать потомкам, чтобы бороться против тотального забвения, закрыть брешь уничтоженных архивов и срочно рассказать о тех событиях, тщательно пересмотреть их, исчерпывающе дополнить, пока еще жива, ведь кое-что она, Сюзанна Ланглуа, все-таки забыла. То, что материнство в лагере было особой линией фронта.

Теперь невозможно произносить обычные фразы. Ни *мы идем в лагерь Равенсбрюк*, поскольку неизвестно было его название. Ни *нас отправили на карантин*, поскольку

этот блок исполнял данную функцию лишь в глазах заключенных, которые уже находились в лагере. Ни в половине четвертого утра я услышала сигнал сирены, поскольку у нее больше не было часов. Нельзя также сказать там была комната для грудных детей, *Kinderzimmer*: она не знала о ее существовании, пока не оставила там своего ребенка. Ей стало грустно. В истории, у которой есть конец, уже невозможно найти начало. И даже если в истории есть точные образы и события, она всегда описывает их через призму собственного восприятия.

Сюзанна Ланглуа замолкает. Она возвращается к себе, она придет в другой раз. Или нет? Она пока еще не решила.

О, нужно стать Милой, у которой нет воспоминаний.

Глава 1

Обессиленная, Мила стоит перед входом в лагерь. По крайней мере, она считает, что высокие стены, которые освещают пересекающиеся там и сям лучи прожекторов, — это и есть вход в лагерь. Она моргает, и словно тысяча иголок впивается в глаза. Вокруг нее в свете факелов вырисовываются четыреста силуэтов женских тел — она точно знает их количество, потому что их пересчитывали в Роменвиле, — шеи, виски, локти, затылки и рты, ключицы. Крики мужчин и женщин, лай собак, челюсти, языки, десны, волосы, сапоги, резиновые дубинки. От вспышек и шума выстрелов Мила не может даже моргнуть, она натянута, как тетива.

После четырех дней, проведенных в вагоне для перевозки скота, где она лежала на досках или стояла на одной ноге, у Милы болит все тело: плечи, спина, бедра. Язык камнем лежит во рту. Однажды она просунула голову в окошко, куда другие женщины справляли нужду, и ловила ртом капли дождя.

Теперь она стоит перед ограждением и крепко сжимает ручку маленького чемодана. В нем вместе с ножницами,

скребком, шилом, а также остатками продуктового пакета, полученного во Френе, одной свечой, одной парой трусов, одной сорочкой и двумя детскими ползунками, которые она связала в тюрьме, лежит фото арестованного в январе брата, ему двадцать два года, и фото отца, где он стоит перед зданием на улице Дагер. Она сжимает ручку чемодана, единственную знакомую ей «территорию» размером сорок на шестьдесят сантиметров, и руку Лизетты. «Хотя она такая же Лизетта, как и я — Мила, но Марией и Сюзанной мы были в другой жизни. Здесь нет имен. Лишь темнота, изрезанная белыми лезвиями прожекторов».

Она узнала, что едет в Германию. Об этом узнали все женщины в Роменвиле. Их не расстреляют, их депортируют, мало кто об этом сожалел, лишь некоторые из них — подумать только, быть расстрелянной, как мужчина, как солдат, враг Рейха, на горе Валерьен¹. Мила исполнила свой долг, она говорит «свой долг» так естественно и без пафоса, как в автобусе уступают место пожилой даме, в ней нет ни капли желания геройствовать, и, если появится такая возможность, ей, конечно, хочется остаться в живых. Уж лучше Германия, чем пуля в лоб. И это не выбор, не радость, а просто облегчение. Вместе с четырьмя женщинами она покидает ряды шеренг, выпрямившись под величественным солнцем. Из кузова грузовика — в поезд, вдоль дороги толпятся люди, «Марсельеза», хлеб и цветы, их несут прямо к вагонам, откуда она слышит пение железнодорожников, и немцы

¹ Мон-Валерьен — гора, а точнее, холм в Париже. Во время Второй мировой войны, при оккупации, на этой территории нацисты расстреливали участников Сопротивления и заложников. (Примеч. ред.)

в ярости разбивают на мелкие куски окна вокзала. Значит, она тогда узнала, что едет в Германию.

Германия — это Гитлер, нацисты, Рейх, а также военнопленные, мобилизованные в ЛПР¹, политзаключенные. В Германии убивают евреев, больных и стариков — инъекциями или газом, она слышала об этом от Лизетты, от брата, от членов подпольных организаций; существуют также концлагеря. Но она не еврейка, не старая и не больная. Она беременная, и она не знает, имеет ли это какое-либо значение или нет и если да, то какое.

Куда именно они едут в Германии, ей не известно. Она ничего не знает ни о расстоянии, ни о продолжительности поездки. Короткие без пауз остановки, двери открываются и сразу же с железным грохотом закрываются. Резкие блики света, порывы свежего воздуха позволяют мельком увидеть чередование дня и ночи, ночи и дня. Три ночи, четыре дня. И вот, безусловно, они пересекают границу. Это было до или после того, как полный дерьма сортир покатился в уже грязную солому и две женщины бросились в рукопашную? До или после того, как Мила задремала, прислонившись к спине Лизетты, чувствуя, как крошечная матка сжимается в животе? До или после того, как Мила больше не могла закрыть пересохший рот? Или как раз после брошенной бумажки на рельсы? Было бы хорошо, если это произошло после бумажки, так бы остался шанс, что она попадет к адресату. Огрызком карандаша на ней написаны три строчки, адресованные Жану Ланглуа, улица Дагер,

¹ ЛПР — лагерь принудительных работ.

Париж: «Папа, у меня все хорошо, целую» — и завернутая в бумагу монета для марки. В груди стуком отдается замедление хода поезда, несомненно сообщающее о въезде в Германию. И тогда одни женщины начинают петь, или сжимать кулаки, или горланить, что не выйдут к фрицам, или умолять, или предсказывать скорую высадку десанта; другие, обессиленные, молчат; есть и такие, которые стучат. Мила слушает, широко раскрыв глаза. Она ищет какой-нибудь знак. Ведь Германия не может начаться незаметно. Затем поезд ускоряет ход, а они так ничего и не узнали. Нет ничего, что обозначало бы границу, каких-либо доказательств, что они пересекли границу. И как только поезд останавливается на вокзале, женщин вышвыривают из вагона. На платформе Мила разбирает надпись большими буквами — Фюрстенберг. Фюрстенберг — непонятно, где может быть этот город на карте, но это Германия — звучит по-немецки, нет никаких сомнений. И сразу же появляются собаки.

Их пересчитывают по рядам, как в Роменвиле. Доехали не все. Те, кто выжил, отправляются в путь. Кто-то падает. Щелкает плеть. И тогда раздаются вопли, стук башмаков, лай сливается в однородный звук. Нужно держать дистанцию, чтобы было достаточно места для шага вперед и чтобы сзади не наступили на пятки. И нужно не оглохнуть от шума, не упасть от усталости. Идти и все, идти, держать голову, не сойти с курса. Ночной пейзаж размывается от сна, жажды и голода. Местами фиолетовое небо прорезает черную массу, и на его фоне выделяются ветви, листья — это точно пихты, ели, ольха. Поскольку отец Милы столяр, она разбирается в деревьях,

знает форму ветвей, листьев, знает, как пахнут деревья, их смола, кора. Насыщенный запах леса обволакивает кожу. Только бы не поддаться этому лесному запаху, видению отцовской мастерской, напиленных досок, Парижа. Не упасть, идти в ногу с четырьмя сотнями женщин, которые шагают и спереди, и сзади. Между деревьями, домами с освещенными окнами. Затем широкая просека, гладь озера, поблескивающего под луной, сверкающего такими же белыми вспышками, как пулеметная очередь. Желудок обжигает чистая желчь, Мила вдыхает, выдыхает, снова вдыхает, но мощные спазмы разбивают силу воли: она отходит в сторону, и ее рвет прозрачной жидкостью на песок. Ее рвет снова и снова, но она продолжает идти, подгоняемая собаками, которые хватают ее за ноги. Все это время ладонь Лизетты лежала у нее между лопатками.

Во френской тюрьме Брижит сказала Миле через трубу, что ей не повезло с тошнотой. Другие голоса тоже переговаривались по трубам из одной камеры в другую, они читали стихи, сообщали новости с русского фронта, а когда мужчины и женщины поизносили шепотом слова любви, другие голоса умолкали, чтобы влюбленные могли услышать друг друга. Мила никогда не видела Брижит, они были тайной друг для друга. Брижит была всего лишь звуком на протяжении долгих недель, но этот звук был нежным, преданным вечерним свиданием. Однажды она передала Миле замотанные в платок вязальные нити и маленькие спицы, спустив их из окна на веревке. Откуда взялись спицы и нити, Мила так никогда и не узнала. Чтобы утешить Милу после рвоты, Брижит говорит: «Клянусь, ребенок тебя защищает, я уверена», — и в железную трубу поет ей колыбельную. Испанскую

колыбельную для ее ребенка: *las hojitas de los árboles se caen, viene el viento y las levanta y se ponen a bailar*¹, для ребенка и для Милы, которая «такая же, как и ее ребенок», говорит Брижит. Неведению Милы нет пределов, она беременна, впереди Германия, следует верить хоть кому-то или чему-то. Мила верит Брижит не задумываясь. Она защищена, ребенок — это шанс. Как в песне, поднятые ветром листья начинают танцевать. Вот что она себе говорит.

Теперь четыре сотни женщин проходят через ворота и входят в лагерь. Собаки, вой, прожекторы. «Где это мы? — слышны голоса. — Что это за дерьмо?» Бьют, кричат, считают, пересчитывают. Женщины проходят через пустынную площадь, идут по узкому проходу между выстроенными в ряд зданиями с решетками на окнах. Четыре сотни женщин, не считая мертвых, стоят в одном темном зале близко друг к другу. «Что, нечего попить?» «Что ты говоришь?» «Ради всего святого, вы знаете, где мы?» «Они отправят тебя ко всем чертям!» Долгие часы ожидания. Женщины переминаются с ноги на ногу. Неловкие удары, утомленные слова извинений, изнуренные улыбки и намеренные толчки, чтобы захватить больше места. Два ряда двухъярусных нар заняли первые вошедшие. «Ложись, — шепчет Лизетта, пошатываясь, — быстрее, пока еще не весь пол заняли». Они обе ложатся под столом, прижавшись друг к другу, придавленные со всех сторон, подложив чемодан под голову, в зловонном запахе мочи и пота. Они не знают, где они. И это крайне

¹ С деревьев падают листочки, ветер поднимает их, и они начинают танцевать (исп.).

Благодарности

Сильви Броджиак, чей энтузиазм и любопытство лежат в основе этого романа.

Мари-Жозе Шомбар де Лов, борцу за каждую жизнь, чья история лежит в основе этой книги.

Жану-Клоду Пассера, Ги Пуаро, детям Равенсбрюка, и Пьеретт Пуаро, чье доверие и признания вдохновили меня продолжать этот проект.

Жюльетте и Моник, дочерям женщин-заключенных, благодаря встрече и дружбе с ними я узнала об Ассоциации жертв Равенсбрюка.

Карин Толи, своей читательнице и верной подруге на протяжении уже десяти лет.

Гвенаэлле Обри, Ги Пелье, внимательным читателям.

Соржу Шаландону и Мишелю Кинту, литературные беседы с которыми осветили мой путь сомнений.

Своему другу Бернару Кристиану за его вклад в переводы.

Господину Хессу, преподавателю немецкого языка, который открыл для меня немецкую музыку, историю и литературу.

Моей дочери Лили, любовь которой оправдывает всякое сопротивление.

Моей матери, которая стала для меня примером.

И наконец, Франсуазе Ниссен, Еве Шане, Мириам Андерсон, Бертрану Пи из издательства «Actes Sud» за их веру в этот роман.

Літературно-художнє видання

ГОБІ Валентина

Дитяча кімната

(російською мовою)

Керівник проекту *З. О. Бакуменко*
Завідувач редакції *Г. В. Сологуб*
Відповідальний за випуск *О. В. Стратілат*
Редактор *О. В. Трефілова*
Художній редактор *Т. О. Волошина*
Технічний редактор *І. О. Гнідая*
Коректор *І. М. Андрющенко*

Підписано до друку 19.01.2016.
Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Newton». Ум. друк. арк. 11,76.
Наклад 11 000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»,
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а,
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів
на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р.
www.ttornado.com.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

Литературно-художественное издание

ГОБИ Валентина

Детская комната

Руководитель проекта *З. А. Бакуменко*
Заведующий редакцией *Г. В. Сологуб*
Ответственный за выпуск *Е. В. Стратилат*
Редактор *Е. В. Трефилова*
Художественный редактор *Т. О. Волошина*
Технический редактор *И. А. Гнедая*
Корректор *И. Н. Андриющенко*

Подписано в печать 19.01.2016.
Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 11,76.
Тираж 11 000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»,
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, просп. Гагарина, 20а,
E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ЧП «ЮНИСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г.
www.ttornado.com.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков
тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев
тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса
тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов, художников, переводчиков и редакторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

Трагічна і життєствердна історія боротьби юної матері проти фабрики смерті, концтабору Равенсбрюк. Боротьби за кожну краплю молока, за ложечку дитячого харчування від «Червоного хреста», яким гестапівці годують кошенят, за вкрадений шматок вугілля, щоб хоч трохи обігріти «дитячу кімнату» — барак у «пеклі для жінок», де народжуються, щоб померти.

Чи є в світі щось сильніше за материнську любов? Из п'ятисот двадцяти двох дітей, що народилися в концентраційному таборі Равенсбрюк, було врятовано тридцять п'ять...

Гоби В.

Г57 Детская комната / Валентина Гоби ; пер. с фр. О. Бугайцовой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2016. — 224 с.

ISBN 978-617-12-0503-1 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3516-3 (Россия)

ISBN 978-2-330-02260-0 (фр.)

Трагическая и жизнеутверждающая история борьбы юной матери против фабрики смерти, концлагеря Равенсбрюк. Борьбы за каждую каплю молока, за ложечку детского питания от «Красного креста», которым гестаповцы кормят котят, за украденный кусок угля, чтобы хоть немного обогреть «детскую комнату» — барак в «аду для женщин», где рождаются, чтобы умереть.

Есть ли в мире что-то сильнее материнской любви? Из пятисот двадцати двух детей, родившихся в концентрационном лагере Равенсбрюк, было спасено тридцать пять...

**УДК 821.133.1
ББК 84.4ФРА**